ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Низьевой Ларисы Викторовны на тему «Философия Э. Маха в контексте австрийской философской традиции: эмпириокритицизм, критика языка и импрессионизм», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – История философии

Диссертация Л.В. Низьевой посвящена теме, которая уже давно не обсуждалась в историко-философском сообществе. Теория этого физика и философа чаще оказывается предметом исследования специалистов в области философии и истории науки, где место и вклад Э. Маха уже видится однозначным. Поэтому вызывает безусловное уважение исследовательский энтузиазм соискательницы, которая актуализирует, казалось бы, уже достаточно знакомые идеи. Такого рода решимость указывает на собственное в методологическом и содержательном плане понимание предмета исследования, ресурсов его новизны и значимости. Этим особым подходом является интерпретация учения Э. Маха прежде всего в контексте определенной традиции, в контексте австрийской философии.

В этом исследовании налицо установка исследовать философскую теорию, основываясь на признании целостности культуры, где знание и искусство, наука и социальная практика находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии. Автор, таким образом, признавая плюрализм современной философии, когда налицо утрата однозначности категорий и понятий, предлагает осуществлять анализ, опираясь на культурную определенность австрийского, на типичность философствования, сложившегося в описываемых исторических границах.

Мировой историко-философский процесс в этом случае не описывается как борьба различного рода «измов» (материализма, идеализма, позитивизма,

иррационализма и т.п.), а как многообразное поле диалогов и влияний, как полифония философских культур. И, по сути, диссертантка ищет ответ на вопрос, как австрийская философская культура воплотилась в философии Э. Маха и как развивалась далее, проявляя свою идентичность в общеевропейском философском пространстве.

Уже в формулировке темы Л.В. Низьева указывает три направления, которые не только восприняли идеи Э. Маха, но и отражают особенность австрийского типа философствования (с. 22–23 дисс.). Автору удается обрисовать определенное исследовательское поле, в рамках которого дискутируется вопрос о специфике австрийской философии.

При всей аргументированности позиции относительно особенностей австрийской философии неопределенным остается вопрос, насколько правомерно прочтение и интерпретация исследуемой философской культуры как национальной? Автор несколько раз подчеркивает сложность определения «начала» австрийской философии отмечая, «в отличие от немецкой философии и в отличие от истории европейской философии, имеющих четкую периодизацию, собственных лидеров и основных игроков, не существует договора философского сообщества относительно того, что можно считать началом австрийской философии. Так, профессор Венского университета П. Кампиц вообще склонен начинать отсчет австрийской философии с римского императора Марка Аврелия. К. Нири ведет ее начало с 1866 года, когда возникла Австро-Венгрия» (с. 21 дисс.). Продолжая такого рода рассуждение, диссертантка не углубляется в методологический анализ *оснований* сравнения германской и австрийской философских культур.

Осуществление сравнения, выявление типичного всегда актуализирует вопрос об общих основаниях, в горизонте которых происходит анализ. Современные исследования предлагают порой неклассические модели такого рода практик. Можно отметить, что имеет место, к примеру, опыт определения специфики венского модерна, как результат деструкции и

реконструкции идентичностей, и прежде всего кризиса мужской и женской идентичности, как это делает Ж. Ле Ридер. Исследователь подчеркивает, что на этом основании можно интерпретировать «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна как своего рода призыв к лингвистической аскезе на фоне указанного выше кризиса, указывая, что «аскетическая тенденция проявилась и в мышлении, и в биографии молодого Витгенщтейна»[1]. Ж. Ле Ридер также обращается к анализу философии Э. Маха, а также к творчеству тех мыслителей, которые являются предметом анализа данного диссертационного исследования. В этом случае основанием различения, обособления этого периода в истории австрийской культуры оказывается идентификационные процессы, отражающие переживания сложившихся и меняющихся в данном культурном пространстве гендерных стереотипов и образов. Кстати в диссертации этот подход не представлен, хотя и вполне заслуживает упоминания, хотя бы как объект полемики.

Интересным видится указание в работе на особое отношение в Австрии к философии И. Канта. Указывается, что в Австрии имело место увлечение идеями кенигсбергского философа. Диссертантка упоминает А. Рихтера и К.Л. Рейнгольда, который, как написано в работе, «трактовал Канта не с точки зрения философии, а, скорее, с позиций революционных изменений социально-политической ситуации в стране и в надежде на просвещение народа» (с. 32 дисс.). Также отмечается, что критика И. Канта культуры католического богослужения привела к запрету его философии, а впоследствии и системной критике его идей представителями австрийской философии и культуры (с. 33 дисс.).

Реконструкция исторических и интеллектуальных обстоятельств формирования воззрений Э. Маха осуществляется в диссертации очень компетентно и открывает новую историко-философскую реальность Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX. Привычная для историко-философских

---

[1] Ле Ридер Ж. Венский модерн и кризис идентичности / Ж. Ле Ридер ; Пер. с фр. Т. Басковой. — СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова; Галина скрипт, 2009. — С. 225.

исследований бинарная оппозиция Запад-Восток проявляется в очерченной в работе драме идентичности, которую переживала австрийская культура, где от лица Востока выступали, вероятно, славянские народы, прежде всего чехи. Л.В. Низьева подчеркивает, что это способствовало также и созданию наиболее значимой работы Э. Маха « Анализ ощущений» (с. 34 дисс.).

Философия Э. Маха анализируется в диссертации очень последовательно, и прежде всего автор акцентирует преемственность его идей относительно предшествующей философии: «Традиция эмпиризма, безусловно, повлияла на убеждения Маха и на его уверенность, что таким образом с точки зрения философии можно интерпретировать физическую реальность и конституировать ту реальность, к которой он обращался. Для Маха важным был вопрос о том, что является реальным, может быть исследовано и подвергнуто научному анализу» (с. 55 дисс.). В данном исследовании автор описывает теорию Э. Маха как три концепта (с. 48–79 дисс.); такой методологический ход необходим, по всей видимости, чтобы исследовать не столько теорию Э. Маха, сколько ее дальнейшее развитие. Во второй главе «Мах и австрийская критика языка» (с. 80–132 дисс.) Л.В. Низьева осуществляет анализ, исходя из представленной ранее схемы, показывая, каким образом описанные концепты проблематизируются в критике языка и литературе.

Одной из задач, которые ставит автор, является показать включенность махизма в философское дискуссионное пространство, в том числе достаточно внимания уделяется австромарксизму (с. 63–68 дисс.) и непосредственно О. Нейрату. Л.В. Низьева указывает именно на идейное влияние теории Э. Маха: «Так как изменения мироощущения и мировоззрения взаимосвязаны, то, следовательно, должна измениться, расшириться и развиться способность к ощущениям. Пока не изменится мировоззрение рабочих, совершать революцию нельзя: ничего не изменится, потому что у

них должны измениться ощущения. То есть их нужно научить воспринимать мир во всем его многообразии, в котором его может ощущать образованный человек. Собственно, поэтому рабочие не понимают импрессионизм, не понимают и не слышат атональную музыку, например» (с. 65 дисс.). Но вместе с тем, учитывая новизну затронутой темы, социально-исторические, культурные следствия можно было бы более глубоко проанализировать теорию О. Нейрата.

В диссертации осуществляется также анализ австрийской философии языка, и соискательница объединяет литературу и философии не столько интенцией к критике языка, как можно было бы ожидать, а описывая эту культурную общность как импрессионизм, настаивая на возможности и перспективности такого подхода. Однако, как представляется, вопрос остается открытым, в какой мере необходимо и оправданно считать философию Э. Маха и Ф. Маутнера философским импрессионизмом?

Сформулированные выше замечания и вопросы, однако, не носят принципиального характера и не снижают благоприятного впечатления, которое производит работа. Диссертация представляет собой законченное самостоятельное исследование, обладающее высокой степенью новизны Автором используется целый ряд новых источников, и текст диссертации свидетельствует о том, что соискательница хорошо ориентируется в международной исследовательской практике в рамках данной темы.

Основное содержание и результаты исследования полно отражены в 9 публикациях, из которых три статьи представлены в рецензируемых изданиях ВАК. Автореферат диссертации полностью отражает ее содержание и включает выводы, сделанные в исследовании. Тема и содержание работы соответствуют специальности 09.00.03 – История философии.

Считаю, что диссертация соответствует требованиям, предъявляемым к квалификационным работам такого рода и критериям, указанным в п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Правительством РФ 24.09.2013 г., № 842. Автор диссертационного

исследования «Философия Э. Маха в контексте австрийской философской традиции: эмпириокритицизм, критика языка и импрессионизм» Низьева Лариса Викторовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – История философии.

26 мая 2015 г.

Доктор философских наук, профессор
Специальность 09.00.03 – История философии
Профессор кафедры истории философии
Колесников Анатолий Сергеевич

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»
Институт философии
адрес: 199034 г.Санкт-Петербург,
Менделеевская линия д.5
Тел. +7 (812) 328-94-21 (доб.1841)
e-mail: a.s.kolesnikov@spbu.ru

Подпись руки Колесникова А.С.
ГОВЕРЯЮ
Нешина Т.С.
«26» мая 2015 г.